

Часть третья. Крах

Бордоский поезд, которым приехали из Блуа Теофиль и его спутницы, прибыл в Париж на Монпарнасский вокзал к концу дня. Тускнеющее солнце скатывалось за красные черепичные и серо-свинцовые крыши. Все было обычно, но почему-то трезвонили колокола, хотя час вечерней мессы не наступил. На вокзальной площади узнали: по призыву архиепископа парижского монсеньора Дарбуа во всех соборах служат молебны о даровании победы французскому воинству над Пруссией, которой Франция только что объявила войну.

В пути Луиза и Мари рассказывали Теофилю, что произошло в Париже за время его тюремного плена, но, к их удивлению, бывший арестант многое знал подробнее, чем они.

— О, в тюрьме знают все! — снисходительно усмехался Ферре. — Мы, например, знаем, что, несмотря на арест Рошфора и почти всех сотрудников, «Марсельеза» продолжает издаваться и статьи Анри, написанные в Сент-Пелажи, появляются в газете за подписью некоего гасителя извести мосье Данжервиля. Так? Ну, вот видите! Тюрьма прекрасно обо всем осведомлена! И лишь потому, сударыни, что тюремные крысы допускают немыслимые раньше поблажки. Они заискивают перед узниками, боясь, что сегодняшние заключенные скоро станут хозяевами Парижа!

Молодые люди, изрядно проголодавшись, забежали в буфет, выпили у стойки по чашке кофе.

— А теперь домой, Тео? — спросила Мари.

— Конечно, сестра! Но думаю, что прежде необходимо поехать на Абукир, в «Марсельезу», чтобы моя статья о процессе попала в утренний выпуск, потом нам некогда будет заниматься этим: война. Свору Баденге надо разоблачить, пока она не отравила всю страну ядом шовинизма. — Он подхватил девушек под руки. — Правители всех времен и стран прекрасно понимали и понимают, что лучшее средство от нарывов внутри государства — кровопускание, война! Дескать, пусть бурлящая огнем кровь парода прольется в битве с внешним врагом!

На улицах Парижа творилось невообразимое! Повсюду из окон и с балконов свисали трехцветные флаги, гремела маршевая музыка, толпы людей заполняли бульвары и площади. То тут, то там слышались гордые, великолепные слова: «Франция, родина, патриотизм!»

«На Берлин! На Берлин!» — вопили на улицах франтоватые молодчики, размахивая тросточками. «На Берлин! На Берлин!» — захлебывались газетчики. В кафе и кабачках до хрипоты произносились ура-патриотические речи; знатоки истории взхлеб толковали о знаменитых победах прошлого: Маренго, Аустерлиц, Фридланд, Ваграм, Москва! У башни Святого Якова накрашенная красочка, картинно завернувшись в трехцветный флаг, стоя в

фиакре, размахивала оголенными руками, призывая франтоватых молодчиков к походу за Рейн.

Они доехали на omnibusе до ворот Сен-Мартен, оттуда по запруженному людьми бульвару с трудом добрались до ворот Сен-Дени и свернули на улицу Абукир. Но попасть в здание «Марсельезы» не удалось: вокруг редакции и типографии бушевали толпы людей. Те же франтоватые молодчики и «рабочие» в подозрительно новеньких блузах, уважаемые отцы семейств в котелках и канотье выбивали в доме редакции окна и высаживали двери. Кто-то уже проник в здание, что-то горело внутри, из окон валил дым, на тротуар летели листы рукописей, свинцовым градом сыпался типографский шрифт. На противоположной стороне улицы стояли ажаны и, заложив за спину руки, бесстрастно наблюдая за разгромом.

Теофиль оглядывал толпу, надеясь увидеть кого-нибудь из своих, но кругом мелькали искаженные злобой лица, разинутые в крике рты, взлетающие над шляпами кулаки. Белыми, подстреленными птицами летали над головами бумажные листы.

— Что происходит? — спросил Теофиль толстого, солидного, добротного одетого бородача. — Вы не могли бы объяснить, мосье?

Бородатый возмущенно махнул шляпой на здание редакции.

— И вы спрашиваете «что», мосье? Парижский народ воздает по заслугам мерзкой газетенке! Негодяй, скрывающийся под именем Данжервиля, осмелился в сем грязном листке утверждать, что наш поход на Берлин отнюдь не будет увеселительной прогулкой! Продавшийся пруссакам тип пытается охладить патриотический пыл нации! Говорят, что гнусная статья написана Рошфором, который сидит в Сент-Пелажи! Каково?! И куда смотрит префектура?! До того распустили голодранцев, что порядочному человеку и нос нельзя на улицу высунуть!

Задыхаясь, Луиза вцепилась в отвороты пиджака розовощекого бородача.

— Не себя ли вы считаете порядочным человеком, лакейская сволочь?! — шепотом спросила она. — Скот вы! Откормленный продажный скот! Холуй! Прихлебатель Империи!

— Но! Позвольте... Вы... вы... — забормотал бородач, озираясь.

— Тс-с-с! Тихо! — погрозил ему кулаком Ферре и, подхватив Луизу и Мари, потащил в сторону, и когда позади раздался вопль толстяка: «Прусские шпионы! Держите!» — они уже затерялись в толпе.

Так же, omnibusом, вернулись на левый берег, в Латинский квартал. Здесь Луиза уговорила Теофиля и Мери зайти в мастерскую Курбе, — там всегда известны нее новости.

Бывшая часовня была набита битком; табачный дым напоминал осенний туман над Сеной. В дыму орали и ожесточенно жестикулировали, а сам мэтр с неизменной трубкой во рту восседал в кресле, вытянув по каменному полу огромные ноги в грубых башмаках.

Стоя у стола с глиняной кружкой в руке, о чем-то разглагольствовал сотрудник «Кошачьего концерта» Клеман Карагель, но, увидев Ферре, оборвал себя на полуслове:

— Ферре! Ну, дружище, знатную ты задал трепку судейским крысам! Молодец!

Ферре пожал тянувшиеся к нему руки и зло сказал:

— Вы тут распиваете вино и извергаете громкие словеса, а белоблузники и буржуа закапчивают разгром «Марсельезы»! Полиция хладнокровно и поощрительно наблюдает! Видимо...

Крики негодования и возмущения не дали Ферре договорить, уже нахлобучивали шляпы и хватали трости: бежать на Абукир спасать редакцию! Но Теофиль остановил друзей горьким смехом:

— Поздно! Следовало предвидеть и защищать здание раньше! А теперь там нечего делать!

Воинственный пыл сразу угас, шляпы и трости вернулись на подоконники и вешалку. На Ферре набросились с вопросами о процессе: правительственные газеты поливали обвиняемых грязью и требовали для «главарей» смертной казни. Но шум затих, когда Курбе грохнул кулаком по столу:

— Что вы набросились на него, олухи?! Камилл, дружище, налей цареубийце кружку побольше и поплотнее!

Камилл доверху налил литровую кружку и церемонно поднес Ферре.

Подруг усадили возле мэтра, а Теофиль стоя рассказывал то, что не попало в газеты. Слушали его молча. А когда он кончил и присел рядом с Луизой, Курбе распорядился:

— А теперь, Клеман, повторите, пожалуйста, для наших новых гостей свой рассказ.

— Пожалуйста! — Карагель ткнул сигару в тарелку с рыбьими костями, взъерошил буйную черную шевелюру. — Тогда, с вашего позволения, мэтр, я еще раз прочитаю адресованное в газеты письмо Жюля Мишле. Хотя я и не согласен с его идеализацией крестьянства, в нынешней схватке он наш союзник.

Из кармана куртки Карагель достал сложенный вчетверо лист бумаги.

— Итак, слушай, Теофиль. И вы, мадемуазель, внимайте! Читаю. «Дорогой друг! Войны никто не хочет, но она будет, и Европу станут уверять, что мы ее желали. Лицемерный и бесчестный прием! Вчера миллионы крестьян голосовали слепо. Зачем? Думали ли они, вотируя войну, вотировать смерть своих сыновей? Устроим свой плебисцит... Спросим всю нацию... Она подпишет вместе с нами адрес братства Европе и сочувствия испанской независимости. Водрузим знамя мира!»

Карагель замолчал, сел. Посапывали, потрескивали, дымя, трубки.

— Мосье Карагель, — попросила Луиза, нерешительно покосившись на Курбе. — Мы с Мари не вхожи в высокие сферы, многое нам не вполне ясно. И если мэтр Гюстав позволит... Не могли бы вы обобщить то, что известно о начавшейся войне...

Карагель взлохматил и без того торчавшие дыбкой полосы.

— Боюсь, что придется повторять известное многим! Не наскучит ли вам, сеньоры?!

— Кто хочет, волен не слушать, — буркнул Курбе. — Во-первых, уважим желание дам. А во-вторых, я тоже хочу разобраться. Я настолько ненавижу газетную писанину, что использую сию испорченную бумагу лишь по прямому назначению, сиречь в нужнике! Пардон, мадемуазель...

Обижаться на Курбе было бессмысленно.

— Ну, ладно, уговорили! — Карагель шутливо раскланялся. — Должен признаться, мадемуазель, что по многолетней журналистской привычке я ежедневно фиксирую в дневнике наиболее важные события. Сейчас, с вашего позволения, я как бы перелистаю перед вами некоторые странички по памяти.

Закурив новую сигару, отпил из стоявшей перед ним кружки.

— Итак, франко-прусская война началась! Да, началась! Почему деревенские французские парни, никогда в жизни не державшие в руках ни шаспо, ни даже сабли, покидают поля и виноградники и напяливают красные солдатские штаны? Почему им вдруг приспичило переться на ту сторону Рейна, чтобы убивать там немецких парней? Кому сие нужно — вы об этом спрашиваете, мадемуазель Луиза?

— Допустим, так.

— Значит, причины и поводы?.. Так вот, недавно в Тюильри некая властная и гордая дама испанских кровей, поглаживая по головке любимое, хотя и недоношенное, чадо, соизволила произнести: «Война нужна затем, чтобы это дитя царствовало!» Убедительно? Еще бы! Кроме того, сия дама предпочитает, чтобы французские парни проливали кровь подальше от ее августейшего будуара и не вздумали бы, как неоднократно делали в прошлом, возводить баррикады и размахивать красными знаменами. Ну а что касается повода, за ним дело по станет. Ах, оказывается, на трон, пустующий в Испании со времени революции шестьдесят восьмого года, приглашают Леопольда Гогенцоллерна, родственника прусского короля Вильгельма?! Боже мой, но тогда же Франция окажется стиснутой с востока и запада враждебными государствами, связанными династическими узами. Да, тут есть над чем задуматься! После победы над Австрией четыре года назад Пруссия необычайно усилилась. Нынешние ее властители — Вильгельм, Железный Бисмарк и худосочный Мольтке, — мечтают об объединении всех германских княжеств и герцогств под эгидой Пруссии! Угрожает ли такое объединение Франции? Без малейшего сомнения — да!

Он снова отпил из кружки, посмотрел на Мари и Луизу.

— Достаточно ли популярно изложение, сударыни?

— Вполне, — благодарно кивнула Луиза.

Те, кому рассказываемое Карагелем было известно, отойдя в сторону, разговаривали, курили. А Карагель продолжал:

— Законен следующий вопрос, миледи: а что принесет данная война нашей обожаемой родине, завершится ли она победным вступлением французских войск в Берлин? Увы, мадемуазель, этого ваш покорный слуга не рискнет утверждать! В Пруссии — обязательная воинская повинность, прусская армия отлично обучена, дисциплинирована, во главе ее — способные военачальники, чего не скажешь о маршалах Базене, Мак-Магоне и Бурбаки. Наша армия рекрутируется по системе заместительства, когда любой торгош или рантье может взамен любимого сыночка нанять подыхающего с голоду бродягу или отпетого головореза. А наемникам наплевать, за кого и за что сражаться, лишь бы звенело в кармане на очередную попойку! Каков моральный дух такой армии, как вы полагаете, сударыни?

— Дерьмо! — буркнул, не выпуская трубки, Курбе.

— Совершенно верно, мэтр! — согласился Карагель. — Весьма точное определение! Но и это не все! На второй день войны маршал Лебеф клятвенно заверил императора, что благодаря отеческим заботам монарха в армии ни в чем нет недостатка, даже ни в единой пуговице на солдатских гетрах! — Карагель, поморщившись, покосился в сторону, где шумел громкий спор.

Курбе стукнул кружкой по столу.

— А ну, тихо!

Спор стих, и Карагель продолжал:

— Я знаком со многими армейскими офицерами, они плюют на заверения Лебефа. К серьезной войне с таким могучим врагом, как Пруссия, мы не готовы. Прошу простить горькие слова, но вы пожелали знать мое мнение...

Карагель чуть помолчал.

— А вот отрывок из переданного в редакцию «Марсельезы» заявления секции Интернационала в Нейи-на-Сене. Они пишут: «Справедлива ли эта война? Нет! Национальна ли эта война? Нет! Это война исключительно династическая». Ведь это же глубоко верно и справедливо!

Теофиль сидел нахохлившись. Когда Карагель замолчал, он порывисто поднялся.

— Но война опрокинет Империю! — с силой сказал он. — Разве одного этого нам мало?!

— Стоп, друзья! — вскричал кто-то из художников. — Вы забываете, что поражение будет нанесено не только Баденге, но и Франции! Неужели мы сможем радоваться, когда чужеземные сапоги снова, как в 1814 году, будут топтать священные камни Парижа? Неужели наше сердце останется равнодушным к позору родины?! Нет! Перед лицом внешнего врага мы обязаны забыть внутренние раздоры, вражду! Мы должны противопоставить пруссакам национальную сплоченность, о которую разбилась бы железная каска Бисмарка.

Луиза поднялась — у нее от споров и криков заболела голова, — пошла вдоль стоявших у стен полотен, мимо мольбертов, где блестели свежими мазками незаконченные картины. На столиках переливались радугами палитры, торчали из банок кисти, валялись ножи, ими Курбе часто пользовался взамен кистей. Он не раз заявлял: «Нож — мой лучший инструмент! Попробуйте написать кистью скалы, подобные этим. Они же великолепны!»

Из задумчивости Луизу вывело осторожное прикосновение к плечу. Оглянулась. С грустной улыбкой стоял за ее спиной Камилл, рядом с ним — Мари.

— Ах, Камилл! Как я рада вас видеть! Но что с вами? У вас беда? Что-нибудь с Терезой?

— К счастью, нет. Но я отправляюсь на войну, Луиза. У моих стариков двое сыновей, и один из нас обязан идти. У брата — семья... Значит, я...

Молчание нарушила Мари.

— Глупости! — сердито сказала она, помахивая сумочкой. — Можно за деньги выставить вместо себя кого-нибудь. В Блуа я видела люмпена: ходит по улицам с приколотой к фуражке запиской: «Замещаю за десять!» То есть за десять тысяч франков! И вы свободны, Камилл!

Он по-прежнему грустно улыбнулся.

— Исключено, Мари! Курбе предлагает мне необходимую сумму, но неужели вы думаете, что я способен за деньги послать под пули взамен себя другого? — Он помолчал, скользнув невидящим взглядом по незаконченному холсту. — Да я не о себе беспокоюсь. Ужасно жаль мать, что с ней станет, не представляю. Мэтр кричит: «Дурак, дерьмо!», а я не могу иначе... Конечно...

Он встретился глазами с Луизой и замолчал. Луиза тоже молчала, подавленная ощущением обреченности Камилла. И тогда, напуская на себя беспечность, он снова заговорил:

— Идти воевать за Баденге и в то же время за Францию! Несовместимо! Либо Франция, либо он! Но я тоже не хочу позволить прусским сапогам топтать пашу землю, не хочу для Франции позора и унижения. Я не хочу...

Подошел Ферре.

— Э-э-э, погоди-ка, друже! — перебил он Камилла. Теперь Теофиль был спокоен и насмешлив, как всегда. — Из того, что я сейчас услышал, Камилл, следует два вывода. Первый: воевать с Баденге и его сворой необходимо, иначе они утопят нас в ближайшем нужнике, как выражается мэтр Курбе. Извините, Луиза! Но и воевать за честь и достоинство Франции мы обязаны! Сие значит, дорогие, что перед нами не один враг — Империя Малого Бонапарта, а два! Баденге и Пруссия. И нельзя забывать, что существует еще обманутая провинция, деревня, которая давней мужицкой ненавистью ненавидит Париж! Вот так! А сражаться с Баденге ты, Камилл, можешь и в солдатском мундире!

Они прошли по мастерской. В дальнем углу Луиза увидела посланную прямо на полу постель. Перехватив взгляд, Камилл пояснил:

— Здесь с разрешения Курбе я проведу последнюю парижскую ночь, идти домой не могу. — Вспомнив что-то, улыбнулся с тайной горечью. — Кстати, друзья, на этой постели коротал бессонные ночи Шарль Бодлер, прежде чем беднягу увезли в больницу. Курбе ценил Шарля, но не раз говорил ему: «Сочинять стихи — бесчестно; изъясняться иначе, чем простые люди, — значит корчить из себя аристократа!» Смешно, не правда ли?

— Когда уезжаете? — тихо спросила она Камилла.

— Видимо, послезавтра. Наш маршевый полк, по слухам, отправляется к Нанси или Мецу.

— Значит, со Сграсбургского вокзала?

— Вероятно.

— Я приду проводить вас!

Как и всегда, шумный вечер в мастерской Курбе закончился в заведении папаши Лавера, «доброго гения безденежной богемы». Но Луизу в этот вечер ничто не могло отвлечь от грустных мыслей, хотя рядом с ней сидел Теофиль.

Уже на улице, прощаясь с Луизой, Камилл спросил:

— Вы разрешите писать вам, мадемуазель Луиза? Домой я писать не смогу, разве только улыбки и приветы! Может быть, кое-что из того, что напишу, вы сможете с пользой для дела напечатать. Разрешаете, да?

— Как вы можете спрашивать, Камилл!

— Я так я знал, Луиза! У вас честная и открытая душа...

Трудную ночь провела Луиза. Тихонько, чтобы не разбудить мать, вставала, зажигала свечу, пробовала писать, но не могла... Перебирала, перелистывала архивы.

Среди пожелтевших вырезок из газет ей попалась речь Виктора Гюго в июле пятьдесят первого, когда Луи Бонапарт только еще карабкался к единовластию. Дебаты в

Законодательном собрании тогда шли о пересмотре конституции, о продлении президентских полномочий Баденге.

Она с волнением перечитала брошенные с трибуны слова Гюго:

«Близится час, когда произойдет грандиозное столкновение, все отжившие политические институты ринутся в бой против великих демократических прав, прав человека!.. По милости притязаний прошлого мрак снова покроет то великое и славное поле битвы, на котором развертывают свои сражения мысль и прогресс и которое называется Францией. Не знаю, как долго продлится затмение, не знаю, насколько затянется бой...»

Да, затмение длится, и бой затянулся на много лет, и на защиту «затмения» завтра пойдут такие, как Камилл Бруссэ.

Она пробежала глазами давнюю статью, и ее остановили слова:

«Как?! После Августа — Августенок? Как, только потому, что у нас был Наполеон Великий, нам придется терпеть Наполеона Малого? Нет! После Наполеона Великого я не хочу Наполеона Малого! Хватит пародий!.. Чтобы водрузить орла на знамени, необходимо, чтобы раньше орел водворился в Тюильри! Где же он, ваш орел?»

Надо ли удивляться, что, когда узурпатор взгромоздился на трон Франции, великому Гюго, переодетому в грубую суконную блузу и в засаленный картуз, с паспортом наборщика Ланвена в кармане пришлось покинуть родину! Надолго! Идет девятнадцатый год его изгнания! А здесь... Девятнадцать лет мрака, девятнадцать лет тюремных решеток, сквозь которые смотрит в небо самая свободолюбивая страна мира!

И лишь одно согревало Луизу в те часы: Теофиль жив, Теофиль свободен!

Да, война уже шла. В городах и деревнях, провожая любимых, рыдали матери, невесты и жены, в Париже извлекали из национальных музеев знамена Аустерлица и Ваграма. И, пытаясь поднять воинственный дух нации, Бонапарт Малый устраивал на Вандомской площади шествия согбенных и седых наполеоновских ветеранов.

Луиза часто виделась с Андре Лео, их сблизили хлопоты о будущей газете, но в условиях начавшейся войны получить разрешительный штампель на выпуск прогрессивного издания стало невозможно.

Когда Луиза сказала о намерении поехать на Страсбургский вокзал, откуда отправляли на восток маршевые эшелоны, Андре решила сопровождать ее.

— Необходимо все видеть своими глазами! — воекликнула она.

Отыскать Камилла в многотысячной толпе на перроне им не удалось. Но сколько волнующих сцен они наблюдали, сколько увидели слез! Крики прощаний заглушались патриотическими речами уважаемых господ, генералов в расшитых золотом мундирах. Снова и снова поминались Аустерлиц и Ваграм, осада и взятие Севастополя, Маренго и Фридланда.

Развевались овейанные легендарной славой знамена Франции, неистово ухала медь духовых оркестров. А над всем весело сияло июльское солнце.

— Знаете, Луиза, — сказала Лео, когда они, устав от бесплодных поисков Камилла, прислонились к стене, — я признаю лишь войны за независимость, скажем войны Джона Брауна и Джузеппе Гарибальди. Кстати, у меня накопились кое-какие материалы о Гарибальди и, если вам интересно, могу дать.

— Заранее благодарю! Ну что же, по домам?

Но им не суждено было тотчас же уехать с вокзала. Неожиданно рядом с ними, скользнув боком по стене, повалилась на камни пожилая женщина.

— Что с вами, мадам? — испуганно склонилась над пей Луиза. — Вам плохо?

— Оноре... Оноре!.. Они убьют моего мальчика! — бормотала упавшая. Белокурые, с сединой волосы выбились из-под старенькой шляпки, по серой щеке текли слезы. — О, я забыла положить ему теплое белье... Он простудится осенью... он не умеет беречь себя...

Андре и Луиза подняли потерявшуюся от горя женщину, вывели на площадь, подозвали фиакр и довезли до дома. В пути несчастная мать сквозь слезы рассказывала: нет, Оноре не единственный, но старшему, Эмилю, пришлось бежать в Швейцарию, иначе он в мае сел бы на скамью подсудимых. Нет, нет, мадемуазель, он не преступник, поверьте мне! Просто он и его друзья хотели, чтобы рабочему жилось полегче... Ах, неужели святая Мария и господь бог не видят неправды, а если видит, то как же они терпят ее? Мой грешный разум мутится, я ничего не могу понять...

Луиза и Андре пытались ее успокоить.

В Ла-Шапель, в одном из переулков за базиликой Жанны д'Арк, они помогли мадам Либре вылезти из экипажа, поднялись с ней на второй этаж. Двери из передней в комнаты распахнуты, за дверью справа над белоснежной кроватью — чугунное распятие, комната напротив завалена книгами.

Хозяйка перехватила взгляд Луизы.

— Да, Эмиль много читал! К нему приходили друзья, и они спорили целыми ночами. Правда, я не все понимала, но, клянусь вам, они не хотели плохого! Присаживайтесь, пожалуйста, мадемуазель, я так благодарна, я сейчас сварю кофе...

Даже беглого взгляда на убогую кухню было достаточно, чтобы понять: если хозяйка сварит для гостей кофе и подаст к нему кусочек хлеба с сыром, она обречет себя на голодный день.

— Простите, мадам! — остановила Луиза хозяйку, вставая. — Мне необходимо купить кое-что для дома. Я заметила вывеску напротив. На полчаса я оставлю вас.

— Ну нет! — возразила Лео. — После вокзальной давки мне необходим чистый воздух. Лучше вы, Луиза, побудьте с мадам Либре, а я пройдусь. И не спорьте со мной!

Когда дверь за Андре захлопнулась, а хозяйка принялась хлопотать на кухне, Луиза прошлась по комнатам, разглядывая фотографии на стенах. На многих снимках — молодой мужчина, черноусый и статный, и белокурая женщина с двумя малышами.

— Это ваша семья, мадам Либре?

— Да. Я, мой Жан и мальчики.

— А ваш муж где, мадам Либре?

— О! — И такая горечь прозвучала в ее голосе, что Луиза пожалела о вопросе. — Мой Жан погиб на баррикаде Пти-Пон в июне сорок восьмого... Никогда не забуду тех дней, мадемуазель Луиза, потому и не осуждаю сыновей...

Луиза прошла на кухню и поцеловала мадам Либре в щеку.

— Вы позволите посмотреть книги ваших сыновей?

— Да, пожалуйста. Я там ничего не трогала и не стану трогать, пока они не вернуться. К счастью, у нас обошлось без обыска.

— А кто бывал у ваших мальчиков, мадам Либре?

— Я весьма уважала мосье Варлена! Простой переплетчик, он производил впечатление очень образованного господина. И как прекрасно говорил! К счастью, ему удалось скрыться от жандармов! Бывали у нас и мосье Малон, знаете, такой бородатый, доброе спокойное лицо, и мосье Толен, и другие из Товарищества Рабочих. Уверяю вас, мадемуазель Луиза, они честные, благородные люди, и вдруг узнаю, что все в тюрьме! Знаете, я становлюсь грешницей! Иногда ловлю себя на мысли, что упрекаю божью мать и всевышнего за судьбу бедняков. Слишком много власти забрали у нас богачи: у них и дворцы, и деньги, и полиция, и митральезы.

Луиза обняла вздрагивающие плечи старой женщины.

— Успокойтесь, мадам Либре! Скоро наступит царство справедливости и каждый получит по заслугам.

— Ах, если бы, мадемуазель!

Луиза прошла в комнату сыновей Либре, оглядела стол и полки. Да, многое знакомо, читано и перечитано. И так же как и на ее столе, лежат недописанные странички.

Присела к столу и прочитала исчерканный черновик:

«Германские братья! Во имя мира, не слушайте продажных или рабских голосов, которые желают вас обмануть, изображая в ложном свете настроение умов во Франции. Будьте глухи к безумной провокации, потому что война между нами есть война братоубийственная!.. Наш раздор поведет лишь к полному торжеству деспотизма!.. Каков бы ни был результат наших общих усилий, мы, труженики всех стран, члены рабочего Интернационала, не признаем никаких границ и шлем вам, как залог неразрушимой солидарности, привет работников Франции...»

Луиза задумалась над прочитанным... Что же дальше? Может, начавшаяся бойня закончится братанием французских и немецких солдат и они вместе повернут штыки против деспотизма?!.. Ох нет, Луиза, вряд ли! Ты забываешь о деревне, сегодня еще слепой и глухой, обманываемой посулами имперских чиновников. А ведь именно из крестьянских парней набрана нынешняя армия. Таких, как Камилл да Оноре Либре, в ней ничтожно мало, словно капель оливкового масла в луковой похлебке бедняка!

— Мадам Либре! — Луиза повернулась к кухне, где хлопотала у плиты хозяйка. — Вы знаете, кто это писал?

Либре оглянулась, лицо ее стало живее, из глаз исчез слезный блеск.

— Это сочиняли вместе Эмиль и его друзья. Когда полиция охотилась за мосье Варленом и мосье Делеклюзом, они частенько скрывались у нас. Консьержка — моя сестра, она ни за что не выдала бы наших гостей...

Перебирая стопки исписанных листков, Луиза натолкнулась еще на один, тоже многократно правленный и черканный.

«...Мы протестуем против систематического истребления человеческой расы, против расхищения народного богатства, против крови, проливаемой для безобразного удовлетворения чванства, самолюбия и ненасытных монархических притязаний. Да! Мы со всей нашей энергией протестуем против войны, протестуем, как люди, как граждане, как рабочие. Война — пробуждение диких инстинктов и национальной ненависти. Война — скрытой средство правителей для подавления общественных свобод...»

Луиза не слышала, как заскрипели ступени лестницы, как хлопнула дверь, не заметила, как из лавки вернулась Андре. И, лишь почувствовав на своем плече прикосновение руки, вскинула глаза. Молча протянула Андре исписанные листки. Присев на подоконник, Андре быстро просмотрела текст.

— Ну и что, Луиза? Тебя удивляет, что здесь, в рабочем квартале, ты обнаружила такие документы?! Но, дорогая, ведь это естественно! По слухам, во французских секциях Интернационала сейчас более двухсот тысяч членов! Такая же армия, какую маршалы Мак-Магон, Фроссар и Базен повели навстречу пруссакам!

Луиза и Андре посидели с мадам Либре, а потом, пообещав навестить ее, поехали на омнибусе на левый берег.

Париж шумел. Манифестации «белых блуз» и буржуа воинственно шествовали по улицам, национальные флаги сплошной завесой прикрывали фасады домов, всюду гремела музыка, а кафешантанные певички в наскоро сшитых трехцветных платьях увеселяли на площадях патриотов, выискивая богатых покровителей. Шикарно одетые молодые люди громили киоски, продававшие республиканские газеты «Улица» и «Призыв». «Мы им покажем, как пятнать честь Франции! Мы им напомним Аустерлиц, поганым бошам! Вив ля Франс!»

Луиза рассталась с Лео и направилась в «Мадрид», где ее ждал Теофиль.

Она застала его возбужденным, даже всегда бледное лицо покраснело.

— А где же Мари? — спросила она, усаживаясь напротив.

— Поехала в Сент-Пелажи, надеется получить внеочередное свидание с Раулем. Но вряд ли задастся. Сент-Пелажи оцеплена батальоном тюркосов и зуавов!

— Что беспокоит вас, Тео? Вы не похожи на себя!

Карманной гильотинкой он обрезал кончик сигары, закурил и лишь тогда спросил:

— Вы видите в компании за пальмами сидящего блондина с сенаторским значком?

Луиза всмотрелась. Представительный господин в безупречно сшитом фраке о чем-то говорил, небрежно помахивая холеной рукой.

— Вижу, — сказала Луиза. — Таких пшютов в Париже пруд пруди!

— А вы знаете его имя?

— Нет.

— Это Жорж Шарль Дантес! Убийца Александра Пушкина!

И тут Луиза почувствовала, как вспыхнуло ее лицо. Мелькнуло в памяти: «Мне грустно и легко, печаль моя светла, печаль моя полна тобою».

— А я и не знала, что этот сукин сын жив, что он в Париже! Расскажите, Тео! К списку моих ненавистей прибавляется еще одна.

Теофиль пожал плечами:

— А что рассказывать, Луиза? После убийства Пушкина приговорен к смертной казни, но казнь заменили высылкой. И вот он здесь, сенатор и камергер с окладом в шестьдесят тысяч франков! Можно шикавать, заказывать костюмы у лучших портных, обедать у Бребана, а изредка, фрондируя, заглядывать в «Мадрид», «Хромую утку» или в «Спящего кота». Убежден в безнаказанности, ибо ему покровительствует с-а-м! Говорят, по поручению Бонапарта ведет тайные переговоры с российским самодержцем. Вот так, дорогая Луиза!

Есть от чего прийти в бешенство!

Компания Дантеса собралась уходить, звенели брошенные на стол серебряные монеты, сверкали модные цилиндры. И когда эти господа, направляясь к выходу, проходили мимо, Луиза не выдержала, встала, шагнула к Дантесу:

— Убийца!

Он высокомерно и даже, пожалуй, с любопытством оглядел Луизу, хотя щеки его чуть побледнели.

— Вам необходимо лечиться, мадам! — сказал он, снисходительно усмехаясь. — Могу посоветовать психиатрическую лечебницу Святой Анны... Я не знаю, на какую из моих дуэлей вы намекаете, сударыня, по клянусь, я убивал противников лишь в равных поединках. Засим — имею честь!

Толстоусый и краснощекий хозяин «Мадрида» настороженно наблюдал за происходящим, даже вышел из-за стойки. Но Теофиль, взяв Луизу за руку, заставил ее сесть. И когда дверь за Дантесом закрылась, сказал, поглаживая ее руку:

— Скоро пробьет судный час, Луиза, и тогда... А сейчас... ну окажемся мы с вамп в префектуре, поскандалим, а в конце концов ничего. Ведь так? Ну, успокойтесь, пожалуйста, Луиза...

Она посмотрела с негодованием.

— Вот уж никогда не думала, что вы, мосье, можете быть столь благоразумны!

Теофиля не оскорбил ни ее тон, ни слова, он смотрел задумчиво и ласково.

— Просто я убедился, Луиза, что мы приносим слишком много напрасных жертв! А решающий час сражения близок, каждая жизнь — на счету. О, я бы с наслаждением сам раскровянил морду этому подлецу. Придем мы к власти, и все дантесы получают свою порцию свинца или два метра пеньковой веревки. Но сейчас необходимо сдержаться ради конечной победы.

Луиза посматривала на Теофиля с удивлением: раньше он, боготворивший Бланки и Флуранса за их безоглядную смелость, казался ей отчаянным, взбалмошным мальчишкой, готовым на любое безрассудство, а сейчас напоминал Делеклюза с его всегдашней заботой о сохранении жизни товарищей для будущей революции.

— Вы взрослеете, Теофиль, — сказала она с оттенком грусти.

В те дни Париж говорил и кричал лишь о войне. Оптимисты повторяли хвастливые заявления Оливье и Грамона, мечтали о вступлении в Берлин трехсоттысячной французской армии под водительством Мак-Магона, Базена, Фроссара и Дуэ. Дескать, отважные генералы, пройдя через ущелья Вогезов, форсируют Рейн между Страсбургом и

Саарбрюккеном и вобьют стальной клин между Пруссией и южногерманскими государствами, помешают объединению их сил в единую армию.

— О, эти бюргерские Баварии и Саксонии, Бадены и Вюртемберги надут под ударами нашей доблестной армии, как карточные домики под порывом могучего урагана! — орали в кабачках.

Луиза мрачнела, слушая воинственные вопли: если действительно Пруссия будет побеждена, это на многие годы упрочит положение Бонапарта, возвеличит узурпатора в глазах провинции и крупной буржуазии, которая баснословно наживается на войне. Можно ли подсчитать, сколько миллионов франков пожнет на кровавой ниве хотя бы глава Законодательного собрания Эжен Шнейдер, владелец пушечных заводов в Крезе? Такие, как он, получают по несколько франков за каждую каплю пролитой в сражениях народной крови.

Луиза не могла сидеть дома, по утрам, наскоро позавтракав, бежала на улицу, покупала ворох газет. Официальные сообщения были отвратительно хвастливы, а оппозиционные газеты за любую смелую статью, «подрывающую боеспособность родины и играющую на руку врагу», часто конфисковались и сжигались во дворе префектуры.

Она ежедневно встречалась с Мари, по обычно веселая и неунывающая девушка тоже грустила: по Парижу ходили слухи, что осужденные за «политику» будут задержаны в тюрьмах до конца войны. Слух подтвердился: шестимесячный срок заключения Рошфора истек, но начальник Сент-Пелажи вызвал Анри в канцелярию и заявил, что освобождение невозможно.

— Луиза, Луиза! — жаловалась Мари. — Ты знаешь, меня никогда не покидало мужество, но сейчас... Если тюремщикам прикажут, они устроят какую-нибудь провокацию и расправятся с Раулем!

Однажды вечером Теофиль и Мари встретились в Луизой в кафе «Хромая утка». Назавтра Теофиль в качестве корреспондента уезжал на восток — в Страсбург, Бич и Форбах.

— Там творится нечто невообразимое, — рассказывал он, помахивая неизменной сигарой. — В ущельях Вогезов сосредоточена наша огромная армия, и, казалось бы, ей надлежит немедля форсировать Рейн, чтобы помешать объединению германских армий. Но наши хваленые полководцы топчутся на месте...

На следующее утро девушки проводили Теофиля, и дни потянулись для Луизы тягостно и медленно как никогда.

Правительственные газеты по-прежнему без конца вопили: Франция — великая держава! Во главе ее армий — наследник величайшего полководца мира! Победа близка!

А тревожные слухи ползли, и неудержимо. С оглядкой и опаской их передавали на рынках и в кабачках, в лавочках и кабаре... Во многих полках солдаты по три дня не получают пайка, ядра и снаряды для пушек отправлены не в ту сторону, куда движется артиллерия,

стотысячная армия зажата в ущельях Вогезов, словно в мышеловке...

Через несколько дней громом грянули сообщения о поражении армий Дуэ, Фроссара и Мак-Магона. Луизу пугало молчание Теофиля, она забывала о военной цензуре, которая вымарывала все, что говорилось о поражениях, солдатские письма сжигались мешками.

Но как-то утром, когда Марианна ушла в булочную, в дверь постучали. За порогом Луиза увидела пожилого человека в красных солдатских штанах и армейской кепи, правая рука — на перевязи. Нерешительно оглянувшись, солдат спросил:

— Мадемуазель Луиза Мишель?

— Да. Да!

— У меня пакет от мосье Ферре, — вполголоса сказал солдат, ощупывая карман мундира здоровой рукой. — Он попросил передать... И пока до свидания, мадемуазель, мне — на перевязку. Извините, я задержал пакет мосье Ферре. Добрался до Парижа с трудом...

На кухне Луиза разорвала пакет из оберточной бумаги, радуясь, что Теофиль сдержал слово и написал обстоятельное письмо. Но, к ее глубокому огорчению, в пакете оказалась лишь коротенькая записка Ферре и несколько вырезок из газет. На английском и немецком.

Ферре писал: «Простите, Луиза, за крохотную записку, человек, который передаст Вам со, должен сию минуту уехать. Чтобы вы представили себе, что здесь происходит, посылаю Вам газетные вырезки. Крепко жму руку!»

Через полчаса на столе перед Луизой лежал перевод пересланных Теофилом статей, — как хорошо, что она не пренебрегла изучением языков на курсах.

«В то время как Мак-Магон потерпел поражение на восточных склонах Вогезов, три дивизии Фроссара... были отброшены дивизией Камеке с высот южнее Саарбрюккена, за Форбах и дальше... Слева от Фроссара находилось семь пехотных дивизий Базена и Ладмиро, а в тылу у него — две гвардейские дивизии. Но... ни один человек из всех этих дивизий не пришел на помощь злополучному Фроссару. После жестокого иоражения он вынужден был отойти, и теперь он, так же как Базен, Ладмиро и гвардия, со всеми своими войскам отступает к Мецу...»

Сбоку на нолях рукой Ферре: «Это из английской «Pall Mall Gazette». Я познакомился здесь с ее корреспондентом. Да, Луиза, я собственными глазами наблюдаю крушение тирании, но — тысячи убитых, тысячи трупов! Я сейчас в Ремийи, вблизи Меца, при первой же okazji напишу снова!»

И еще клочок из газеты со статьей Эмиля Золя:

«Нас осыпали бранью за то, что мы отказывались подвывать бульварным сборищам и не скрывали, что нас угнетает готовящаяся резня... Полно же вам сыпать остротами, называя нас пруссаками, когда мы оплакиваем французскую кровь. И не трезвоньте: «Да

здравствует император!», потому что император ничего не может сделать для нас. Если, на беду, мы испытаем поражение, тогда пусть на империю обрушится проклятие. Если же мы будем победителями, тогда лишь Францию необходимо благодарить за победу!»

Не надев шляпки, Луиза выскочила на улицу: скорее к Андре, к Мари, к старикам Теофиля — обрадовать, что жив и здоров!

Андре застала за утренними парижскими газетами. Разложив на столе карту Франции, женщины пытались определить на ней места боев. Из английских и немецких сообщений следовало: соединившиеся германские армии форсировали Рейн и железной лавиной катятся по незащищенным полям и холмам Эльзаса и Лотарингии.

— Да, Луиза! — Андре пристукнула кулачком по карте, где коричневым пятном обозначался хребет Vogez. — А ведомо ли вам, милая, что идиоты из генерального штаба умудрились снабдить наших офицеров географическими картами лишь германских государств и княжеств? Ни у кого из наших офицеров нет даже схемы тех мест Франции, где идут бои! Дескать, сражаться будем на прусской земле! И вот теперь...

Андре отошла к распахнутому окну, откуда врывался в комнату гнусавый голос разносчика фруктов и зелени. Луиза продолжала рассматривать карту. Ага, вот Мец, а вот Ремийи, откуда Теофиль послал ей записку. А вот Седан...

Андре вернулась к столу.

— Слушайте, Луиза! Думаю, Теофиль с этим солдатом послал письмо своим родителям, иначе — он просто чудовище! А если так, ваш визит к старикам сейчас не обязателен! Давайте-ка отправимся по редакциям! Ведь если сведения Ферре верны, я не вижу для Баденге спасения! Пошли!

По пути они поняли, что Париж уже захлестнули тревожные слухи. И площадь, и мост Согласия, и набережная д'Орсей были забиты толпами возбужденного народа. Охранявшие дворец гвардейцы едва сдерживали натиск множества людей.

— Солдаты, на границу! На границу! — раздавались требовательные крики перед Бурбонским дворцом.

Смущенные офицеры беспомощно пожимали плечами, Луиза слышала, как один лейтенант сказал другому:

— Да, Жан, наше место сегодня не здесь!

Вскоре солдаты оказались не в силах сдерживать возмущенную толпу. Опрокинув решетки, народ ворвался в украшенные знаменами и позолоченными орлами залы. У длинных столов толпились члены правительства, Тьер, потрясая над седой головой очками, запальчиво возражал кому-то:

— Ладно! Осуществляйте вашу республику! Но и отвечать за нее будете вы! Вы, а не мы!

«Пушечному королю» Эжену Шнейдеру, пробирававшемуся к президентскому креслу, кто-то от дверей кричал:

— Убирайся! Хватит! Нажился на народной крови!

И сотни голосов, перебивая друг друга, зывали:

— Ну, чего ждете?! Республику! Мы готовы! Нас двести тысяч вокруг дворца!

Казалось, еще миг — и республика будет провозглашена, Франция обретет вырванную у нее свободу! Но нет в зале ни самоотверженного Бланки, ни неистового Флуранса, ни Делеклюза, никого, кто дерзнул бы стать у знамени! Среди всеобщего замешательства слышнее и слышнее вкрадчивые голоса:

— А достаточно ли нас, господа? И достоверны ли сведения о поражении на фронтах? Не подождать ли до завтра?!

Бессильный гнев душит Луизу, она рвется вперед, ей хочется кричать: «Труссы! Труссы!» Но громко звенит в руке Шнейдера серебряный колокол, возвещающий открытие заседания Законодательного корпуса, хотя «Зал потерянных шагов» полон людей, не имеющих депутатских мандатов. Но полномочия депутатов невозможно сейчас проверять!

Подняв руку, просит слова Жюль Фавр. Луиза внимательно разглядывает лицо в ореоле седых волос.

Она не раз встречала почтенного Жюля Фавра на улице Отфейль. Ведь это он — глава «Общества по распространению знаний», открывшего любимые ею курсы. О, пока она еще верит революционности «трех Жюлей» — и Жюля Фавра, и Жюля Симона, и Жюля Ферри, горделиво именующих себя либералами! Сейчас ее доверие к ним возрастает: Фавр предлагает Собранию взять власть в свои руки. Но, отвечая ему, бонапартисты поднимают неистовый рев: «Это происки прусских агентов, которых нужно расстреливать на месте!»

В невообразимом шуме и гвалте, с трудом шевеля вздрагивающими губами, Шнейдер закрывает заседание Корпуса и призывает парижан собраться завтра утром на площади Согласия. «Там и примем, братья, окончательное решение! Зал Собрания для Парижа слишком мал!..»

Потеряв в давке Лео, Луиза бросилась на квартиру Ферре. Мари дома не застала, а старики Теофиля, тоже получившие от него письмо, отнеслись к восторженным сообщениям Луизы о поражениях империи без всякого энтузиазма.

— Да вы же поймите, папаша Лоран! — чуть не кричала она. — Завтра — республика! Кончилось кровавое царствование! И нет сил, могущих нам помешать!

Но старик Ферре недоверчиво хмурился, угольные глаза его, очень похожие на глаза Теофиля, оставались печальными.

— Ах, мадемуазель Луиза! Вы большой, наивный ребенок! Я пережил не одну революцию! Не питал, не питаю и никогда не буду питать доверия к так называемым либералам! Они прячутся под любой личиной, покрывая происки деспотизма, хоронят по его приказам наши революции. Попомните мое слово, мадемуазель Луиза!

Она едва не плакала от бессилия убедить седого упряма в возможности немедленного наступления царства добра и свободы, передать ему хотя бы часть переполнявшей ее радости!

Непереносимо длинна была та ночь. И едва рассвело, Луиза побежала к Андре Лео. Они вместе отправились к центру Парижа. Какое же негодование охватило их, когда они увидели, что все улицы и набережные, ведущие к площади Согласия и Бурбонскому дворцу, перекрыты полицией и машинами.

И выступать против грубой силы было невозможно: толпы, устремившиеся к площади Согласия, на сей раз не вооружились даже палками, — так слепо уверовали вчера в обещания Фавра, Симона и Шнейдера! А их обманули как маленьких, обвели вокруг пальца.

В один из августовских дней Луиза с Мари сидели в кафе у Сен-Мартен, когда туда ворвался мальчишка-газетчик и заорал, размахивая газетой:

— Бой на бульваре Ла-Виллет! Бланкисты захватили пожарную казарму с оружием! Их окружили полицейские и мобили!

Все повскакали, рванулись к двери, протягивая газетчику монеты. Но он — истый Гаврош! — спрятал пачку газет за спину и, смеясь, прокричал:

— Этого, месье, в газетах нет! Это мои бесплатные новости, месье! Спешите на Ла-Виллет! Там идет горячая драчка. Клянусь своими веснушками! — И, победно гикнув, малолетний вестник метнулся в соседнее кафе.

Слух о схватке у пожарных казарм молниеносно разнесся по Парижу.

И все-таки Луиза и Мари опоздали. Когда добежали до кирпичного здания пожарной команды, отряды полиции и мобилей, орудуя штыками и прикладами, разгоняли безоружную толпу. Летели над головами вывороченные из мостовой булыжники, изредка потрескивали выстрелы, стонали раненые. Силуэты пяти или шести тюремных карет возвышались над толпой, полицейские силой заталкивали в них людей. Конные офицеры размахивали шашками, угрожая изрубить сопротивлявшихся.

Луиза и Мари не успели опомниться, как все кончилось, черные кареты, окруженные конным эскортом, скрылись в улице, ведущей к тюрьме Мазае.

— Вот эдак всегда! — проворчал парень в разорванной на плече синей блузе.

— Да что же произошло?! — крикнула ему Луиза.

— А-а! — парень зло махнул заскоруждой рукой. — Молодцы Бланки прослышали, будто в казарме есть оружие: шаспо, пистолеты, сабли. Без оружия как же бороться? Но какая-то сучка донесла в полицию!

— А кого арестовали? — спросила Луиза.

— Человек двадцать схватили. Я-то знаю двоих — Эда и Бридо! Ну, этим теперь не миновать пули!

— Эмиль Эд? Бридо? — переспросила Луиза. — Но может быть!

Она не раз встречала их в редакциях республиканских газет, на собраниях, в кафе!

— Не может? Э, мадам! — усмехнулся рабочий, поправляя сбитый в драке потрепанный картуз. — В нашей великой державе любая подлость возможна! Тем более сейчас, когда Париж на осадном положении и судить их будет военный суд! — И, в сердцах сплюнув, зашагал прочь.

Сей провидец из народа оказался прав. Через две педели Луиза узнала о смертном приговоре Эду, Бридо и еще четверым. Даже кое-кто из республиканцев, оглушенный шовинистическим гвалтом, обзывал зачинщиков нападения на Ла-Виллет бандитами, а неистовый Гамбетта предлагал казнить Эда и Бридо, как главарей, немедленно, до суда. Дескать, перед лицом вражеского вторжения Франция должна забыть внутренние распри и все силы направить на разгром пруссаков! А в глазах Луизы мятежники были героями.

Для нее наступили напряженные дни! Эд и Бридо в ее сознании стояли рядом с Теофилом и Риго, — цвет молодой Франции, надежда и сила будущей республики! Но что могла она сделать, учительница и поэтесса, чего стоило ее заступничество?!

— Да, Луиза, здесь нужно громкое, оваянное славой имя! — соглашалась Лео. — Нужен голос, к которому! прислушается вся Франция!

Луиза с горечью подумала: «Гюго в изгнании».

— А знаете?! — подсказала Эжени Реклю, — давайте обратимся к Жюлю Мишле! Он стар, семьдесят два, но с ним всегда считались! Пэр и академик! Если он подпишет петицию о помиловании, мы, может быть, и спасем осужденных. Он же республиканец, противник империи!

О, как они торопились, сочиняя петицию парижскому губернатору генералу Трошю. Луизе мерещилось: пока они спорят над словами, где-то на тюремном дворе Бридо и Эда ставят к смертным столбам.

Мишле, прославленный историк, седой и дряхлый, сразу же принял женщин и, прочитав их послание правительству, без колебаний поставил под ним свою подпись.

А затем трое суток Андре Лео, Эжени Реклю, Луиза и Мари бегали из дома в дом, из квартиры в квартиру, останавливали людей на улицах. И когда десятки листов покрылись тысячами имен, женщины отправились к генералу Трошю. О, не таким-то простым делом оказалось добраться до сей величественной особы, облеченной «доверием народа» и властью миловать и казнить!

Да они и не добрались, лицезреть генерала Трошю им не пришлось. Корректный секретарь, сверкавший эполетами и аксельбантами, попросил женщин оставить приемную, так как генерал отбыл на прием к регентше-императрице и невозможно сказать, когда вернется.

— Мы не уйдем! — заявила Луиза, усаживаясь в одно из кресел. — Мы явились от имени парижского народа, и губернатор не имеет права нам отказать. Вот петиция! Народ поручил нам передать ее генералу! Нас отсюда можно выкинуть лишь силой!

Обескураженный секретарь в конце концов согласился принять письмо Мишле и папки со множеством пронумерованных листов с подписями, заверил, что, как только генерал Трошю вернется, все будет ему вручено.

— Но учтите, мосье: завтра мы явимся сюда снова! — предупредила Андре. — И явимся не одни, а в сопровождении тысяч п тысяч пославших нас! Так и передайте генералу! Мы говорим от имени народа Парижа!

Но идти к Трошю им больше не пришлось. Тем же вечером секретарь генерала направил Жюлю Мишле депешу, что просьба его удовлетворена, казнь Эда и Бридо... отсрочена. А потом...

А потом — Седан! Армия Мак-Магона, стиснутая германскими войсками, окруженная пылающими селениями, сдалась на милость победителя. Еще до конца сражения Луи Наполеон приказал вывесить над крышей седанской крепости белую скатерть — флаг капитуляции. С опушки леса на холме Марфе сам Вильгельм наблюдал за ходом последнего боя.

— Кажется, все! — с удовлетворением заметил он окружавшим его генералам. — Финита ля комедия!

Вскоре к холму Марфе в сопровождении гусара с белым флагом подскакал уполномоченный французского императора генерал Рейль. Спешившись, он приблизился к сидевшему на складном стуле Вильгельму, поклонился и протянул украшенную бриллиантами шпагу Луи Бонапарта. А затем подал пакет.

Победно оглядев стоявших вокруг, Вильгельм вскрыл пакет, прочитал вслух:

— «Августейший брат мой! Так как я не мог умереть среди моих войск, мне остается только вручить Вашему величеству мою шпагу. Остаюсь Вашего величества преданным братом. Наполеон».

Опустив неровно исписанный лист на колени, Вильгельм с минуту неподвижно смотрел перед собой, а потом, поднимаясь, торжественно произнес:

— Итак, война окончена, мои генералы! Поздравляю с победой! Наконец-то Германия обретает подобающие ей могущество и славу. Запомните сей торжественный час: вы являетесь свидетелями рождения Великой Германской империи!..

Вспомнив о французском парламентаре, отдал наполеоновскую шпагу адъютанту, небрежно бросил:

— Вы исполнили свою миссию, генерал! Пожелайте здоровья вашему повелителю. И передайте, что он поступил благоразумно: сопротивление моим победоносным армиям бессмысленно!

Об этом эпизоде Луизе рассказал Камилл Бруссэ. Раненный под Седаном, переодевшись в крестьянскую одежду, он чудом избежал плена.

Встретились они в мастерской Курбе, куда Камилл с перевязанными плечом и рукой добрался вечером третьего сентября. Именно в тот день Париж узнал о позорной капитуляции под Седаном, о сдаче восьмидесяти трех тысяч солдат и офицеров, более ста тысяч лошадей и шестисот пятидесяти пушек.

В тот вечер у Курбе было не так людно, как всегда: кое-кто ушел в армию по мобилизации, многие журналисты отправились на фронт корреспондентами газет.

Прежде чем явиться в мастерскую Курбе, Луиза побывала на Больших бульварах, где тысячи парижан восторженно выкрикивали: «Низложение! Республика!»

И она до хрипоты кричала вместе со всеми. По неожиданно из переулка на манифестантов накинулась свора полицейских и мобилей. Возле театра «Жимназ» ударом кастета сбили с ног писателя Артюра Арну, и Луиза своим шарфиком перевязала ему голову. Помогла раненому добраться до дома, а сама, возбужденная до предела, побежала к Курбе.

Там она и застала Камилла. В драной и пропыленной одежде, хромой, он казался теперь совсем другим человеком. Нервным тиком дергалось припухшее веко, губы кривила болезненная усмешка.

Собравшиеся в мастерской слушали Камилла с нетерпеливой жадностью: правительственные газеты третий день ничего не сообщали о ходе войны.

— Бездарнейшие генералы, полная неразбериха во всем! — говорил Камилл. — У солдат нет патронов, во многих полках попросту голодают. А Шалонский лагерь, где запасено на сто тысяч человек провианта, пылает, словно гигантский костер! Он подожжен по приказу императора при отходе от Шалона к Седану. Эта усатая бездарь перед угрозой разгрома наконец-то решила сложить с себя полномочия главнокомандующего, и теперь война ведется по командам императрицы-регентши. Отсюда, из Тюильри, ничего не видя и не понимая, она шлет телеграммы Мак-Магону и Базену: куда идти, как наступать или

отступать. А тем временем прусские полчища неудержимой лавиной движутся от Седана на Париж! Через неделю-две они окажутся здесь, перед нашими фортами!

Камилл замолчал, и все молчали, лишь яростнее дымили сигары и трубки. Кто-то наливал в кружку вино, расплескивая его на стол. Камилл, почти неузнаваемый, с похудевшим и потемневшим лицом, присел рядом с Луизой и, не прислушиваясь к спорам в мастерской, заговорил, обращаясь теперь только к ней:

— О, мадемуазель Луиза! Видели бы вы, какими ненавидящими глазами провожали солдаты и крестьяне обоз императора! Пятьдесят или шестьдесят фургонов возят за ним серебряные котлы и столовую посуду! Подушки и перины. Накрахмаленные скатерти и запасы любимого монархом шампанского! Клетки с фазанами и прочей живностью, которую предстоит жарить к столу его величества! А солдаты чуть не подымают от голода!

Осторожно прикоснувшись к руке Камилла, Луиза спросила:

— Но если он не главнокомандующий, если он ничем не может помочь там, почему он не возвращается в Париж?

Художник презрительно рассмеялся.

— Вы позабыли об императрице-регентше, Луиза! Когда Бонапарт вознамерился отвести армию Мак-Магона к Парижу, она заявила: «Если Луи вернется в Париж, революция неминуема! Ему не вернуться живым в Тюильри!» Как видите, она далеко не так глупа, эта дама, она, может быть, дальновиднее своего царственного супруга! Это по ее милости его везут сейчас в Пруссию под охраной штыков и сабель!

Камилл казался Луизе полупомешанным, глаза его рассеянно блуждали по лицам окружающих, по картинам и обстановке мастерской.

— А поля боя, Луиза! — продолжал он, помолчав. — Тысячи и тысячи трупов, искаженные страхом лица, скрюченные в предсмертном усилии руки, остановившиеся глаза! И обезумевшие от боли и ужаса раненые, ползающие на четвереньках и на брюхе, словно животные! А рядом снопы пшеницы и белые ромашки, красные от крови...

Сидевший по другую сторону Луизы Курбе неистово грохнул кулаком по столу.

— Ну, хватит, Камилл! И все вы, друзья! Да воспряньте же наконец духом! Разве не пала Империя, разве не кончилась ночь?! А? Так выпьем же за Республику, которая будет завтра провозглашена! За нее, друзья, за многострадальную Марианну, до дна! И да не воцарится никогда более над Францией дерьмо, подобное Баденге!